

Владимир МАЛКОВ

СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ОГНЕМ

ГОТОВЯ к изданию сборник «Письма с фронта», я получил объемистый пакет, в который были вложены записная книжка со стихами, пачка фронтовых писем, пять фотографий и другие документы. «Посылаю вам материалы моего брата Владимира,— писала Елена Степановна Калачева.— Может быть, они заинтересуют вас, Володя погиб под Ленинградом в 1943 году...» Более трех с половиной десятилетий хранились фронтовые конверты и трюгальнички в семейном архиве.

Владимир Калачев родился в 1918 году в деревне Квасюнино, на Шексне, в большой крестьянской семье. Окончив семилетку, поступил в Череповецкое педучилище. Однако окончить его не удалось. Время было тяжелое, у родителей не хватало средств на обучение детей. Владимир стал учителем начальной школы, а затем преподавателем школы взрослых по ликвидации неграмотности в Шекснинском пароходстве.

В 1939 году подошел срок службы в армии. Солдату-новобранцу повезло — его направили в Москву. К тому времени он увлеченно писал стихи. Писал о том, что видел и любил. В столице начинающему стихотворцу довелось бывать на литературных вечерах и встречаться с писателями. Горизонты раздвигались. Юноша много читал. Увлекался Пушкиным, Лермонтовым, Блоком, Есениным, Маяковским. Как память о тех днях он бережно хранил билет в Библиотеку имени В. И. Ленина.

Солдатские будни текли своим чередом. Приближалось окончание срока действительной службы. Мечтая о возвращении в Череповец, на берега Шексны, Калачев писал:

Быть может, в середине лета
Приеду в городок родной
И в час июльского рассвета
Пройду по тихой мостовой...

Не пришлось. Когда прозвучал клич «Вставай, страна огромная...», Владимир твердо заявил о своем желании немедленно отправиться в действующую армию. В просьбе было отказано. Владимир писал сестре: «Я просился на фронт, но не отправляют. Говорят, что и здесь нужен.

Лучше, если б отправили. Может быть, не так скоро, но поеду...»

В конце концов в руках Калачева — направление на защиту Ленинграда. Поскольку к новому месту службы поезд вез через Череповец, ему разрешили краткосрочный отпуск. А той, которую в письмах называл «милая Соня», подал весточку о новом назначении: «Вот я и готов к отъезду. Совсем готов, прямо в бой. Мужества у меня хватит, хватит и ненависти...»

«Коротко о себе,— говорится в письме от 14 декабря 1941 года.— Защищаю Ленинград.

Недавно трое суток провел на передовой, в траншеях. Пришлось подражаться с противником (у меня прекрасный новый автомат и горячая злость к врагу). Оказывается, смерть меня боится. Расстреливали меня немцы с самолета, был в схватке на земле и за трое суток остался невредим. Только шапку прострелили раз...»

Калачев был «справным» солдатом и стойко переносил все тяготы войны.

«Небольшая новость,— сообщил Володя 7 ноября 1942 года.— Красноармейцу Калачеву присвоили звание среднего командира и назначили адъютантом бригадного комиссара. Кроме того, я вступаю в партию... Я не кончал никаких училищ, а звание среднего командира дали мне за отличную службу в действующей армии. Что ж: «Служу Советскому Союзу!».

Годы войны явились для Калачева годами физического и духовного возмужания. За боевые заслуги был награжден медалью «За отвагу» и именными часами. О нем, адъютанте начальника штаба, писал в газете «Красная звезда» от 2 апреля 1942 года известный военный корреспондент Николай Кружков:

«Старший лейтенант Калачев хорошо усвоил штабную службу, великолепно знает карту местности, где действует его армия. Он часто бывает на передовых позициях, знает все, что делается в дивизиях и полках, и всегда имеет под руками необходимые сведения... Его работа скромна и с виду неприметна, но он, благодаря

своей аккуратности, методичности, является ценным помощником начальника штаба».

Однако, судя по письмам, работа в штабе Калачева не удовлетворяла, он рвался на передовую.

С весны до середины 1943 года он командовал ротой. В этот период под Ленинградом, в районе Синявино, шли тяжелые бои.

Поразительно мироощущение молодого командира. В письмах любимой девушке он писал, как он жил и о чем думал на войне: «В одном из твоих писем я встретил фразу: «Я мало живу будущим и больше живу прошедшим...» Я в противоположность тебе сейчас живу будущим и уже значительно меньше живу прошедшим... Не думать о будущем — значит не любить жизнь, а здесь жизнь становится более веской и определенной, осмысленной...»

Казалось бы, личность воина в огне должна была раствориться, потеряться. Но нет! «Ты можешь не понять меня. Но неверно было бы думать, что на войне человек — примитивное существо, автомат. Нет! Кроме жгучей ненависти к врагу у каждого есть любовь к любимой девушке, к жене, к семье, к друзьям, к дому и, наконец, к родной стране! Именно на войне человек больше задумывается о жизни, о дружбе и, конечно, лично о самом себе...»

«У меня душа не терпит, чтобы я шел где-то сзади, — признавался он. — Всегда быть впереди — долг командира. Может, не вернусь, но и об этом не тужу. Войны без жертв не бывает. Но знайте, что трусом не буду и дешево свою жизнь врагу не отдам...»

До победы было еще далеко. В последний раз старший лейтенант Калачев повел свою роту в атаку 25 июля 1943 года. Как он погиб? Подробностей никто сообщить не мог. В том бою мало кто уцелел. Только спустя почти полгода отец Володи — Степан Митрофанович — получил письмо от генерала армии П. И. Кокарева, в котором сообщалось:

«По наведенным мною справкам известно, что сын Ваш Владимир 25 июля с. г., будучи тяжело ранен в бою, умер от ран и похоронен на поле боя.

Должен Вам сообщить, что Владимир, будучи со мною вместе на службе, был образцовым, храбрым и примерным офицером нашей доблестной Красной Армии. После перевода его на другую работу он и там показал себя отличным воином и героически погиб в бою за нашу прекрасную Родину».

От Владимира Калачева дошли до нас еще стихи, печатавшиеся во фронтовой красноармейской газете «Отважный воин» и посылавшиеся домой на отдельных листочках. В планшете офицера лежал блокнот, и как только выпадала свободная минута, он, уединившись где-нибудь у костра или в прокуренной землянке, доверял бумаге свои мысли. А потом, перед боем, соглашался прочитать бойцам о Ленинграде, о красном знамени, которое вело в атаку, о верности и любви, о грядущей победе.

Безголосая ночь опустилась
На изгрызенный пулями лес,
по траншеям болотная сырость
собралась с неизведанных мест.
Возле дзота, водой залитого,
вихрь огня пролетит, прометет,
но душа для сражений готова,
и готов, как душа, пулемет.
Здесь в томительных днях обороны
зреют солнцем в предутренней мгле
путь на запад, еще не пройденный,
и свобода родимой земле.

Воин-поэт только начинал творческую дорогу и не успел еще приобрести для этого трудного дела нужный опыт. Но в лучших своих стихах, в которых суровая правда войны преломлялась через призму поэтической души, он проявил себя способным художником. В его творческой судьбе деятельное участие принимали Всеволод Рождественский, Александр Прокофьев, Николай Асеев и другие.

«У меня новость, — говорится в письме от 6 апреля 1942 года. — Позавчера познакомился с ленинградским поэтом Всеволодом Рождественским. Он здесь у нас в армии, километрах в 20-ти от меня...»

«Рождественский похвалил, сделав необходимые замечания. Говорили долго. Когда стали прощаться, лежавший рядом человек поднял голову. Рождественский представил его: «Павел Лукницкий, писатель» (написал «Земля молодости»). Лукницкий сказал: «Я лежал и слушал ваши стихи. Они хорошие...» Из соседней двери (перегородки) вышел еще один человек — писатель Дмитрий Щеглов. Прощались тепло. Рождественский просил приезжать к нему, обещал просматривать мои стихи и продолжить знакомство. На днях снова поеду к нему...»

Так завязалась дружба фронтовиков — ученика и учителя. В другом письме Владимир признавался: «Отдыхаю душой, когда беседую с Всеволодом Александровичем. Замечательный человек!»

Рождественский, глубоко заинтересовавшись творчеством начинающего автора, с особой благожелательностью относился к нему.

«Во многих ваших письмах и записочках, — писал поэт молодому стихотворцу, — я живо слышу интонацию Вашего голоса и, читая их, явственно вижу Вас перед собой. Это хороший признак. Вы несомненно чувствуете природу не только стихотворного, но и прозаического языка. Предсказываю Вам, что со временем Вы будете пробовать себя и в художественном рассказе...»

«А в основном — впечатление поэтической свежести. Очень хорошо, что много в этих стихах непосредственной образности, природы. Это обещает в Вас поэта, если строже будете работать над собой».

В другом письме, датированном 18 августа 1942 года, поэт писал:

«Дорогой Володя. Мне что-то скучно стало так долго ничего не знать о Вас. Что бы Вам сесть в свободные минуты и набросать мне десяток-другой прозаиче-

ских или стихотворных строчек! Помните, как хорошо мы всегда беседовали?»

Вот еще несколько строк из письма от 18 февраля 1943 года.

«Благодарю Вас сердечно за те теплые слова,— писал Рождественский,— а особенно за стихи — от них опять пахнуло на меня свежестью и непосредственностью поэтического восприятия, т. е. теми свойствами, которые я особенно ценю... Думаю, что после 1-го буду опять в ваших краях и тогда постараюсь разыскать Вас. Нам не следует терять друг друга из виду. Скажу прямо — из многих моих литературных собеседников здесь, на фронте, Вы единственный, в ком слышу я голос поэта...»

Ценил творчество В. Калачева и Александр Прокофьев. Находясь в блокированном Ленинграде, 3 мая 1943 года он писал:

«Дорогой Владимир Степанович! Спасибо за письмо и стихи. Стихи буду печатать в журнале «Ленинград» и, если подберем альманах красноармейского творчества, то и там. Присылайте еще. Мне понравилось начало песни «Три снежинки, три звездочки» — поэтично. Буду рад содействовать Вашим литературным успехам. Приезжайте в Ленинград...»

Когда Калачев прямо с передовой отослал свои стихи Николаю Асееву, тот написал ему обстоятельное письмо. Это, по сути дела, «краткая лекция» о назначении поэзии, о том, как писать стихи.

«Нет, критиковать я Вашего стихотворения не буду,— говорится в письме.— Оно хорошо тем, что в нем есть решительность и определенность чувства...»

Письмо заканчивалось добрыми, сердечными пожеланиями:

«Желаю Вам здоровья, счастья и долгой жизни... Крепко Вас обнимаю. Ник. Асеев».

Бесспорно, общение молодого литератора с видными советскими поэтами явилось для него своего рода литературным университетом. Человек редкого трудолюбия, внимательный и чуткий к советам старших товарищей, Калачев постоянно совершенствовал свое поэтическое мастерство. Голос его креп и мужал. Об этом свидетельствует последняя записная книжка, в которую вошло девятнадцать стихотворений. На титульном листе четко выведены слова: «Владимир Калачев. В ПУТИ. Действующая армия». Вверху два эпитафия: «Русь — живи!» Н. Языков. «Голосует сердце — я писать обязан» В. Маяковский. Кажется, самой обстановкой продиктованы ему эти наполненные глубоким смыслом строки.

Записная книжка Владимира Калачева —

поэтическая исповедь солдата, прошедшего по тяжелым дорогам войны. В одном из писем у него есть важное, вскозь брошенное признание: «Я был единственным, кто видел это...» Сознание «единственности» видения служило достаточным основанием, чтобы взяться за перо. Потому-то каждое стихотворение, как свидетельство очевидца, пронизано живым трепетом того сурового времени. О чем эти стихи? О фронтовых буднях, о друзьях-однополчане и о себе.

Слепнет ночь. Траншея опустела.

Бой окончив, пулеметчик спит, кажется, что каждой складкой тела с пулеметом воедино слит.

В жаркой схватке крепко поработав, спит, хвалы себе не говоря, руки не снимая с пулемета, крепким сном бойца-богатыря.

Старший лейтенант Калачев воевал не только оружием, но и поэтическим словом. Его стихи, пробуждавшие самые благородные порывы и стремления, воодушевляли на борьбу, звали вперед, на подвиг. Молодой поэт умел найти такие слова, которые подкупают искренностью, теплотой и лиричностью. Из-за брестера своего окопа он видел всю нашу необъятную страну:

По всем путям пройдя с боями,

Я разлюбить никак не мог

Облитый кровью и слезами

России каждый уголок...

Старший лейтенант Калачев не всегда верил в возможность остаться живым, но, шагая по фронтовым дорогам, думал о будущем. Учитель по профессии и по призванию, Владимир мечтал после войны вернуться в школу, учить сельских ребятшек и заниматься творчеством. Недаром же в письмах на родину он писал:

«Я не бросил мечту заняться литературой. Останусь цел — буду работать в школе, писать и учиться...»

«О тех, кто падет в борьбе, следует написать хорошую книгу. Это дело будущего...»

«Сохрани мои стихи. Некоторые из них мне пригодятся. Если не целиком, то отдельные строки и образы...»

Но планы и мечты война и поэта не сбылись. Старший лейтенант Калачев так и не увидел алого полотнища над поверженным Берлином. Но свой вклад в общее дело Победы он внес сполна...

Пал воин смертью храбрых. Говорят, из прошлого не возвращаются. Неправда! Герои возвращаются.